

(Продолжение. [Начало в № 46 от 30.01.2019](#))

Газета «Вести» продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

Сегодня вниманию читателей предоставляются отрывки из воспоминаний жены организатора обороны, первого военного губернатора камчатки Василия Степановича Завойко – баронессы Юлии Завойко.

Вместо предисловия

Безусловно, Юлия Завойко обладала настоящим литературным даром. Ее воспоминания читаются легко, словно мы сами становимся свидетелями того яркого, трудного и героического времени. Особенно волнующими, на мой взгляд, выглядят сцены прощания Василия Завойко с семьей и записки, которыми обменивались супруги Завойко.

«— Будьте честными слугами Царя и Отечества. Не забывайте, что ваш отец готовится положить за него жизнь!

С молодых лет он службе посвящал все силы и, готовясь к смерти, передавал этот завет детям. Простились и мы... Дружно провели мы всю молодость в пустыне, среди забот и лишений.

Вдруг раздался болезненный, пронзительный вопль Жоры:

– Маменька, оставьте меня с папенькой, ведь он остается один, один... С вами все восемь. Оставьте меня с ним; я умру подле него.

– Друг мой, – отвечает отец, – меня долг призывает умереть, а тебе, дитя мое, как старшему, я поручаю маму, сестер и братьев. Из любви ко мне иди с ними, заступи мое место, береги их».

«Неприятель поднял американский флаг. Всего шесть судов: четыре фрегата, пароход и бриг. Бог за правое дело: мы их разобьем. Кто останется жив, про то Бог знает. Но мы веселы и тебе желаем не скучать. Останусь жив – увидимся, не останусь – Бог так велел. Царь детей не оставит, а ты сохрани их чтоб они были люди честные и служили Отечеству. Вам необходимо удалиться на хутор; с Авачи все уйдут и скот угонят. Прощай; если Богу угодно не дать нам свидеться, то вспомни – что и жизнь долга ли? Рано ли, поздно ли придется расстаться».

«Будь покойна, ежели будет десант, мы его возьмем в штыки – тут наша возьмет. Живите на месте, не беспокойтесь. Хлеб мы ночью убрали, чтобы шальная бомба не заставила нас голодать. Отстоим с честью, бог поможет, сохраним русское имя и покажем в истории, как русские сохраняют честь Отечества. Молись за нас. Благослови детей».

«Ежели меня убьют, я оставляю вас спокойно. Твоя христианская покорность воле божией поддержит тебя, и сам бог научит, что предпринять для блага детей. Учи их быть честными, трудолюбивыми, и в случае нужды пусть будут готовы положить жизнь

за царя и Отечество. Я вам не оставляю состояния, но умру спокойно, Бог вас не оставит, отцом вам будет Государь».

«Бог за нас, сей день десанту было до 800 человек. Бог нас хранит – отбили».

«Вчера по окончании сражения я послал по скорости к тебе известие и саблю. Сегодня посылаю тебе знамя, отнятое нами в бою от 800 человек, а нас было в разных местах до 300. Бог сохранил нас. Тучи бомб были брошены в город, но пожары были незначительные, их скоро тушили, сгорел только рыбный сарай. Убитых у нас до 20 человек и раненых до 70, а неприятелей мы похоронили до 37, между ними есть и офицеры. Двое в плену. Утопили неприятельский баркас, и с Никольской горы при отступлении их много убито и потонуло. Сегодня день будет спокойный, они пошли хоронить своих в Тарью. Сберегите знамя. Молитесь и надейтесь на Бога. А. П. [Максутов] ранен, он герой, мы ему многим обязаны. Не беспокойся».

«Неприятель ретировался. В море на беду показалось наше судно, но туман такой накрыл, что хоть глаз выколи. Когда совсем скроется, пришло за вами, до тех пор терпение».

Без напыщенного патриотизма, глубоко трогательно звучат слова десятилетнего мальчика-кантониста:

«Был в числе раненых маленький кантонист: по недостатку людей они подавали картузы на батареях; ему оторвало руку. Когда делали операцию, доктор спрашивает его: «Больно тебе?» (Мальчик, не стонал.) «Больно-то, больно, ваше высокоблагородие, да ведь я родился царским слугой, значит, не только руку, но и жизнь должен за царя положить». Этот ответ ребенка доказывает, какой дух был вселен в тамошние команды».

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ

ЮЛИЯ ЗАВОЙКО. ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О КАМЧАТКЕ И АМУРЕ»

На другой день 25-го августа пришла на бате мать Губаревой. Она нам много рассказывала из того, что сама видела; рассказывала, как ее зять возвратился такой черный от порохового дыму, не узнала я его даже, прибавила она; потом рассказывала, что слышала или поняла из разговоров тех чиновников и офицеров, которые у ней столовались. Расспросам не было конца. Под вечер на меня напала жесточайшая тоска. Вот-вот неприятель сделает ночное нападение, и пошла к Губаревой, просить старуху еще раз передать мне все ожидания и предположения, которые она слышала. Старалась я этим успокоиться. Воротилась к себе, и искала силы там, где всегда ищут ее.

26-го августа приехал к нам верховой с неприятельским знаменем и следующей запиской: «Вчера по окончании сражения я послал по скорости к тебе известие и саблю. Сегодня посылаю тебе знамя, отнятое нами в бою от 800 человек, а нас было в разных местах до 300. Бог сохранил нас. Тучи бомб были брошены в город, но пожары были незначительные, их скоро тушили, сгорел только рыбный сарай. Убитых у нас до 20 человек и раненых до 70, а неприятелей мы похоронили до 37, между ними есть и офицеры. Двое в плену. Утопили неприятельский баркас, и с Никольской горы при

отступлении их много убито и потонуло. Сегодня день будет спокойный, они пошли хоронить своих в Тарью. Сберегите знамя. Молитесь и надейтесь на бога. А. П. ранен, он герой, мы ему многим обязаны. Не беспокойся».

Известие что А. П. ранен, меня сильно встревожило, я его душевно полюбила.

Каждый день по несколько раз старик Мутовин и мои мальчики ходили на наш хребтик и приносили нам сведения о том, что делается в губе.

27-го августа утром входит старик к нам, в свою хижину, и начинает прямо креститься на образ. «Слава Богу, все суда, ушли нет их, тихо».

Почти не верилось, что беда миновала.

Вскоре опять показалась, будто пальба, и снова защемило сердце. Но вот приехал верховой, привез записку:

«Неприятель ретировался. В море на беду показалось наше судно, но туман такой накрыл, что хоть глаз выколи. Когда совсем скроется, пришлю за вами, до тех пор терпение».

Поздно ночью, дети уже спали, с той стороны кричат; бросились к реке: голос Д. П. [Максутова] и с ним радостный лай Барсика, его верного спутника. Как описать чувства мои при этом свидании, и радость общего избавления, и общий нам страх за близкого, нами обоими нежно любимого человека.

На другой день чуть свет поехали назад; после трехчасового пути в холодное, сырое, туманное утро пришли мы к Аваче, и в виду ее засели на отмелях; кругом торчат камни, да желтеет песок, кое-где стоит вода. Мы были в четырех батах; первого выкинули Барсика, вылезли люди, вылезли Жора, Степа, Д. П. и пошли бродить; так как при

подобных путешествиях всегда надеваются на ноги непромокаемые якутские сары, то бродить таким образом по мелкой речке безопасно, нога остается суха. И мне это приходилось испытывать не раз.

Вдруг гул пушки из порта... Что бы это значило? Д. П., Жора и Степа, оставив баты на попечение батовщиков, побежали по воде бродом в деревню, узнать, что это значит. Скоро возвратились с известием: был сигнал: суда идут назад. Д. П. требуют в порт. В продолжение всего времени на хуторе Жоря плакал и просился к отцу, теперь я не видела нужды ему отказать в этом. В одно мгновение они с дядей исчезли. Через несколько минут пришли нам на помощь пустые баты и с большим трудом перетасили нас в деревню. Малютки плакали; мелкий дождь пронизывал до костей. Как ни огорчило новое известие, но как-то все уже попривыкли к постоянным тревогам, все только попримолкли. Детей перенесли в ту же хижину, обсушили, накормили, обогрели.

– Кирилло, голубчик, позаботься ты о ребятишках. Бежим, Серафима Гавриловна, в порт, повидаемся с мужьями, а там что бог даст.

– Который час?

– Да одиннадцать либо двенадцать. – У нас часов с собою все время не было, мои давно стояли, поправить негде; жили все это время по солнцу. – В два часа мы дойдем до порта. Ежели понадобится, так еще засветло воротимся к детям.

Сказано – сделано. Пошли мы с ней скорым шагом, с нами только мой Степа, да ее Петя. Заблудиться бояться нечего, медведя также, он верно далеко отошел – испугался пальбы.

– Я-то привычная, – говорит Губарева, – а вы смотрите, не выдержите.

Она взяла с собой еще племянника, мальчика лет четырнадцати, и послала его вперед сказать, что мы идем. На гору подниматься и спускаться скользко, скоро идти нельзя, зато по ровной дороге мы буквально бежали. Мокрый туман превратился в настоящей

дождик. Губарева идет скоро-скоро вперед и присядет либо на камешек, либо на колоду; я и это боялась сделать — сядешь да и не поднимешься — и все время ни разу не присела. Мы с пяти часов утра ничего не ели, и только на Сероглазке напились воды из нашего Светлого ключика. Нас промочило, но не мешало нам идти так скоро, как ноги несли. На Кошке, у входа в город, меня встретил муж. Не стану описывать этого свидания; все равно, и четверти не скажешь того, что чувствовал. Сердце сильнее чувствует, чем язык умеет говорить». Есть минуты в Жизни, которые, кажется, брошены с неба в наш вседневный мрак. Но и тут примешивалась горечь и душевная боль. Когда я пошла к раненому А. П. — ему оторвало руку — он был весел, спокоен и не показывал ни малейшего признака своих страданий. Когда он перенес операцию, то, перекрестившись, сказал: «Слава богу, у меня правая рука цела, я могу креститься, могу еще и писать, и быть полезным».

Потом пошли мы домой, кое-как переоделись, все было уложено, а мы промокли до костей. С мужем мы говорили мало, сердце было слишком полно, пожмем друг другу руку, а глаза полны слезь. Не долго мы тут оставались, ведь на Аваче меня ожидали семеро малюток. Сошедши с нашей горки от дома, зашли мы с мужем в нашу милую, старенькую церковь, помолились там; и поехала я вместе с Губаревой на Авачу уже на нашем белом, легком вельботе. Жорю и Степу оставила я у отца. Дорогой вельботный унтер-офицер нас неумолкаемо занимал рассказами. Порассказать-то было о чем. С каким восторгом моя мелочь бросилась ко мне навстречу! Не привыкли они так долго обходиться без меня. Казалось, кончились наши бедствия. Возвратились мы в свое насиженное гнездо. Это было 29-го августа. Как усердно молились мы в этот день все вместе!

К обеду собрались у нас наши доблестные, храбрые сподвижники, наши добрые товарищи. Как отраднo было их видеть тогда...

Заскрипели перья, стали писать донесения.

В свое время подробности события были напечатаны, и не знаю, не будет ли излишним излагать то, что уже было изложено лучше и точнее моего. Но для полноты рассказа я решаюсь изложить вкратце, как было дело. Пользуюсь записками, составленными мною из рассказов очевидцев; цифры же вполне точны, так как я их тогда же списала с

документов себе на память. Не нашла я в своих записках только дня ухода корвета «Оливуца», но, кажется, это было в начале июля; также не нашла дня прихода «Двины»; насколько помнится, то было 20-го июля.

Испрашиваю снисхождения, так как о военных действиях пишу как женщина.

Предпосылаю описанию указание положения наших укреплений.

Батарея № 1, на Сигнальном мысу; пять пушек, 63 человека команды и командир Гаврилов. За ней каменная возвышенность, господствующая над местностью.

№ 2, на косе, отделяющей малую от большой бухты; одиннадцать пушек, 127 человек команды, один гардемарин и командир Д. П., главнейшая защита наших судов и всего порта.

№ 3, на перешейке: пять пушек, 51 человек команды командир А. П. [Максутов].

№ 4, на Красном Яру за кладбищем, по Петровской горе: три пушки, 28 человек команды и командир П[опов].

№ 5 предполагали, но на него не достало пушек.

№ 6, на косе, отделяющей большую губу от озера, вблизи Никольской горы и рыбного сарая: пять небольших пушек, 49 человек команды и командир К[ораллов].

Одна небольшая полевая пушка, при ней гражданский чиновник и 15 человек камчатских казаков.

№ 7, на берегу озера, в защиту от десанта: шесть маленьких, старых пушек, 31 человек команды и командир наш инженер Г[езехус].

Фрегат был поставлен одним бортом; с другого борта были сняты пушки для батарей.

«Двина», как известно, транспорт, но и у нее один борт был вооружен; разумеется, транспорт больших пушек не имеет. Были сформированы две стрелковых партии для отражения десанта и одна для тушения пожаров.

Всего с чиновниками, разночинцами, волонтерами было 879 человек, фрегатская команда в этом же числе.

17-го августа. В то время, когда мы шли по горам, входил трехмачтовый пароход под американским флагом; не доходя мили три до Сигнального мыса, он остановился; народу на нем было мало. Для его опроса поехал на шлюпке офицер; завидя шлюпку, пароход поворотил, и народу наверх высыпало много; торгующие американцы, живущие в порте, высказали большое негодование, что неприятель воспользовался их флагом.

18-го августа подали сигнал: эскадра из 6 судов. В начале пятого часа пополудни она вошла в следующем порядке: трехмачтовый английский пароход — «Вилаго», 18-пушечный французский бриг — «Облигадо»; фрегаты: «Президент», английский адмиральский, 52 пушки. Английский «Пик», 44 пушки. «Форт», французский, адмиральский, 60 пушек. Малый французский фрегат «Евридика», 32 пушки. Было отдано приказание стрелять, ежели неприятель будет приближаться. Как скоро неприятель поравнялся с батареей, открыли огонь и поменялись несколькими выстрелами.

Неприятель удалился из-под выстрелов и стал на якорь в большой губе. При перестрелке заметили, что неприятельские пушки большего калибра, чем наши.

19-е августа прошло спокойно. Неприятель делал промер, высматривал, но держался вне выстрелов. Они бросили несколько ядер, но издалека. В два часа показался из Тарьинской губы наш плашкоут с кирпичом; люди, видимо, не догадались что это неприятель. Когда же заметили, что неприятель спускает гребные суда, то наш плашкоут поворотил назад и стал уже удаляться; но ветер стих и его взяли.

По-прежнему собирались у мужа и к обеду, и к ужину некоторые из офицеров и чиновников, но уже не в нашем опустелом доме, расположенном поодаль, а тут же на берегу, вблизи батарей, на берегу малой губы. Тут была вытащена на берег купальня, и она служила временною столовой и квартирой. Мой муж был бы неспокоен, оставаясь в нашем доме; он хотел быть ближе к месту действия; он везде сам ободряет, надзирает, распоряжается. По-прежнему за дружеским ужином идет веселая, оживленная беседа.

20-го августа. На рассвете заметили, что десантные боты и шлюпки нагружались десантом и приставали к пароходу. Общее движение на эскадре, частые сигналы и приготовления к снятию с якоря показывали, что неприятель намеревается сделать решительное нападение.

В половине 8-го муж пригласил на батарею № 1 священника отца Георгия Лонгинова –отслужить молебен о даровании всемогущим богом победы.

Неприятель во время чтения святого Евангелия начал стрелять в батарею бомбами и ядрами, которые, пролетая над головами бывших тут, падали вблизи берега в малую губу, не причиняя вреда. Достойный пастырь не смутился от опасности и продолжал служение. Это была торжественная минута, укрепившая веру: «Надеющиеся на господа не постыдятся».

Между тем пароход взял с левой стороны фрегат «Президент», с правой «Форт», с кормы «Пик» и повел их против Сигнального мыса. На Сигнальном мысу батарея совершенно открытая, сзади нее каменная гора. Вновь пошел муж на эту батарею и, показав команде на неприятеля, сказал: «Многие из нас умрут славною смертью, последняя наша молитва должна быть за царя». Команда пропела: «Боже, царя храни», и всюду на всех батареях, на судах загремело: ура! Все готовились или умереть, или победить.

Ожидая нападения, стрелкам и волонтерам был заранее отдан приказ расположиться в кустах между батареями № 2 и № 4. Был приказ, встреченный твердою решимостью, беречь порох, защищаться до последней крайности, и ежели весь порох будет расстрелян, сжечь суда и не отдать неприятелям ни одного флага. Медленно подвигались неприятельские суда, и в 9 часов началось сражение. Сперва весь огонь был направлен на батарею Сигнального мыса № 1; так как она, находясь ближе к неприятелю, вредила ему больше всех. Командир был ранен, ему в помощь послали другого офицера, но скоро она должна была умолкнуть. Там было много убитых, раненых; ядра, врезываясь в поверх лежащую гору, совершенно засыпали камнями всю батарею. Орудия были повреждены. Несколько раз во время действий мой муж сам был тут и ободрял. Но скоро принуждены были оставить батарею; действовать орудиями было невозможно, вся платформа была засыпана камнями. Принудив умолкнуть батарею Сигнального мыса, неприятельские суда направили весь свой огонь на батарею Красного Яра, № 4. Ее действия были чрезвычайно удачны, и по необыкновенному счастью на ней не равен ни один человек. Когда заметили быстро приближавшийся сильный десант, то зарыли порох в заранее приготовленное место, сделали еще по выстрелу, заклепали пушки и, отстреливаясь, стали отступать; на помощь батарейной команде спешили стрелки, с ними был и мой муж, и волонтеры. Неприятель завладел батареей, поднял французский флаг; но в это время наш фрегат и «Двина» стали стрелять в десант. Неприятель, не дожидаясь нападения наших стрелков, также быстро сбежал к шлюпкам и немедленно отвалил от берега. Наши стрелковые отряды возвратились. Английский пароход имеет большого калибра пушки; иногда он выставляет свой нос, и прямо уже в город летят его бомбы и ядра. Недолго позволяют ему это; меткие выстрелы с фрегата и батареи № 2 сейчас его угощают, и он, высунув на минуту свой нос, берет задний ход и ретируется при дружном хохоте нашей команды.

Много ли, кажется, нужно, чтоб уничтожить такой маленький городок. Неприятель был богат и порохом, и снарядами. По его уходе было найдено множество ядер валяющихся, множество не разорванных бомб, а несчастий не было. Где свалилась стена в домике, где разрушилась печка. Вот запылала ветхая хижина бедной старушонки; мигом прибежал пожарный отряд и, смеясь, затушил ее; предусмотрительная старушонка наполнила всю свою посуду водой. Осколками пробило крыши магазинов с хлебом, ведь это залог жизни... Как легко бы могла шальная бомба их зажечь! Кто помешал? Кто предохранил? Не видимое ли божие покровительство!

Неприятель, заставив умолкнуть батареи № 1 и № 4, направил свои орудия трех фрегатов и парохода на батарею № 2, которая служила единственным препятствием к нападению на наш фрегат. Геройски выдерживала она убийственный, неумолкаемый огонь. Сберегая людей за бруствером в то время, когда батарею осыпало ядрами и бомбами, неустрашимый командир ходил спокойно по батарее и ободрял команду, выжидая время, когда фрегат «Президент», травя свой канат, приближался к батарее,

которая посылала тогда меткие выстрелы. Она стреляла с расстановками, но метко, не тратя даром пороху, которого было мало. Некоторое количество пороху и картузов под огнем и ядрами было перевезено юным Ф. с фрегата на батареи. В продолжение битвы фрегата с батареей малый фрегат «Евридика» и бриг подходили, имея десант на шлюпках, под выстрелы батареи № 3, на перешейке, но были прогоняемы ядрами, даже одна шлюпка была потоплена.

Как я уже упомянула, тогда собирались обедать в купальне. Сегодня же Харитина отнесла сама по батареям обед, и перекусили где кому привелось; побежали в эту купальню за штопором и увидели, что бомба попала в ее середину и ее всю разметало.

Кончился жаркий день, отошел неприятель на свои прежние места.

Всю ночь шла у него работа; суда кренились, заделывали пробоины; всю ночь слышалась на судах плотничная работа; видно, несмотря на наш недостаток пороха, ему-таки порядком досталось.

Собрались наши к ужину дружною, единократною семьей. «Я одного желаю, – говорил А. П. одному из своих товарищей, – если нужна жертва за избавление всех в Петропавловске, пусть бы жребий пал на нас, меня или брата; нас у отца шестеро, – убьют одного, пятеро ему останется в утешение. Но что будет, если смерть сразит отца такой многочисленной семьи, таких малюток?» Пророческие то были слова. Действительно, жребий пал на него самого.

Все были воодушевлены; предвидели, что будет, высадка; всяк горел нетерпением, всяк надеялся вскоре с честью проводить непрошенных гостей. В ночь и на следующий день работа у нас кипела; приходилось исправлять на батареях, что было повреждено, и сильно повреждено.

21-го августа в час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка и направилась к Сигнальному мысу: то была наша шестерка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом. На ней пристали к берегу: унтер-офицер Усов с женою и двумя маленькими детьми и молодой матрос Киселев; первый передал мужу записку:

«Господин губернатор! Благодаря случайности войны в мои руки попала русская семья. Имею честь ее вернуть Вам. Примите, господин губернатор, мои заверения в моем высоком почтении.

Адмирал Ф. Де-Пуант».

(Продолжение следует)